

Если ноготком царапать стекло, получается неприятный звук. И нянечка, тетя Лиза, кричит обычно, что окна вообще-то мыты, а от пальцев и носа – разводы. И как бы после этого еще не влетело тому, кто царапает ноготком стекло. Марусе. Ногти Маруси были нестрижены. Маме все некогда, папу в качестве средства по уходу за ребенком вообще рассматривать не стоило. Он обычно на претензии мамы отвечает: «Посмотри на ее пальцы маленькие. И на мои – большие. Нет уж, увольте, я боюсь». Куда папу надо увольнять, Марусе было непонятно.

Старшая сестра, Анфиса, забыла. Обычно она и стрижет Марусе ногти, но Володя сейчас занимает все мысли старшей сестры. Вот как Марусины мысли занимает, например, шоколадная паста или те же «Фиксики». Она когда их смотрит, тоже обо всем на свете забывает. Если бы ей надо было подстричь Анфисе ногти, не вспомнила бы.

И как же хорошо вышло-то: чем бы Маруся царапала стекло, если бы кому-нибудь все-таки удалось поухаживать за ребенком? Маруся царапала и не могла понять, что противнее: голос тети Лизы или звук стекла.

Тетя Лиза уже злится. Они с Марусей остались в группе вдвоем. Нянечка сказала, что до родителей дозвониться не может, а дома никто трубку не берет.

Ну ничего, думала Маруся, возьмут. В первый раз, что ли? Родители работают, поэтому забирает ее

Анфиса. У Анфисы Володя. Сестра потом скажет, что пришла с работы, прилегла и заснула нечаянно, но она просто забыла. Целуется сидит и на время не смотрит. А мама ей говорила уже не раз, что надо снять эти рольшторы с окон. Непонятно, когда день, когда ночь. Папа в эти моменты поддакивает: «Как в казино», – говорит. А что такое казино, не говорит.

Дурная Анфиска. Забрали бы с Володей вместе и целовались бы хоть до прихода родителей. А сейчас она вспомнит, вскрикнет, подскочит. Володю своего напугает. Зачем ему полудурушная такая с плохой памятью? Он себе другую найдет, без детей на шее. Анфиса прибежит вся в панике, обнимет Марусю крепко и расплачется. Будет прощения просить.

Маруся, когда сестра впервые так сделала, очень плакала. Все, казалось, оставили ее навсегда. Чтобы лишний рот не кормить. Маруся вообще иногда думала, что если б она умерла, родителям было б легче. Она так думала, когда мама с папой из-за денег ссорились. Они не часто ссорились. Родители очень дружные. Прямо команда. И они с Анфиской тоже команда. И играют все вместе. Только все равно Марусе хотелось как-то помочь родителям, а кроме как умереть, она ничего не могла придумать.

Маруся водила пальцами по стеклу, то скулило, а тетя Лиза не кричала. Стекло скулило громче, а тетя Лиза снова не кричала. Девочка слышала, как

нянечка возится в туалете. Глухо гремит пластиковыми горшками, иногда бахает ими об пол. Злитесь.

Внизу сторож, но Маруся умеет мимо шмыгнуть. Она уже тренировалась, правда, до ворот ни разу не доходила. Ну не до ворот, а до забора за пристройкой. В этой пристройке сейчас кухню поселили. Раньше кухня была в основном здании и пахла кашей на все залы. А теперь хорошо. Не пахнет. А кашу в группы оттуда ведрами носят.

Маруся обязательно пролезет между прутьями. Тут она не тренировалась, но знала, что худенькая, что «бухенвальдский крепыш», так подруга мамы говорила. А Марусина бабушка в это время злобно поджимала губы – недобрый знак. Она говорила потом, что дура эта тетя, сама не знает, что несет. А мама шикала на нее. Мама всегда переживает, что Маруся раньше времени запомнит слово «дура». Пф-ф! Да она и «сука» уже запомнила. И запомнила даже, кто именно сука в их окружении. Но молчит.

Маруся пролезла между прутьями. И обошла детский сад сбоку, чтобы нянечка и сторож не наткнулись на нее, когда хватятся. На улице было хорошо и свежо, и чего Маруся раньше домой сама не ходила? И сквер, рядом с которым стоял садик, шелестел, как сказочный лес из книжки. И даже был похож. Или просто Маруся этот лес представляла похожим на сквер. Через сквер дорога к дому короче. Они с Анфисой всегда идут через сквер, когда вовремя покидают садик. А если поздно, как сейчас, то по дороге. Там светло и магазинов много. Папа не разрешает ходить в потемках. Но если Маруся пойдет не в потемках, ее сможет догнать нянечка.

Пока шла по тропинке к скверу, легонько шаркала ногой. Еле слышно. И так ей нравилось! Одной ногой шаркала, второй нет. Мама шаркать не разрешала, обувь испортится. А тут вроде как одной ногой Маруся маму слушалась, а второй – нет. Но долго шаркать – неинтересно. Маруся ускорила шаг. Очень уж хотелось Анфису подстеречь у подъезда и сделать сюрприз. Выскочить из-за угла и напугать. Потом они, конечно, обнимутся.

Маруся шла по пустому и темному скверу все быстрее, оглядываясь. Что-то шуршало по бокам, ухало, стрекотало под кустами, шипело тишиной. Как-то даже захотелось обратно – через прутья к тете Лизе, к горшкам, но дом-то ближе уже. Ближе. Кажется. Обычно тут, у скамейки, они с Анфисой начинали обсуждать ужин.

Она увидела силуэт мужчины у дерева, чуть дальше фонаря. Маруся бросилась к нему. И дышать было как-то сложно, как будто не получалось, из-за постоянно ухажущего сердца.

– Дяденька, проводите меня домой, пожалуйста. А то страшно!

Дяденька огляделся сначала, не сразу увидев Марусю, и убрал телефон в карман. Что-то буркнул в него перед этим. И снова огляделся.

– Ты чего тут одна делаешь? – И не дождался ответа, взял Марусину доверчивую ладошку своей огромной в прохладной перчатке и несильно дернул.

Все-таки больше сбежать не будет, думала Маруся. Все-таки страшно еще одной ходить. Хорошо хоть дяденька этот попался по дороге, ему, правда, не очень хорошо. Его потом милиция долго о чем-то спрашивала, и папа по лицу ударил, непонятно откуда взялся вообще. Красный весь, глаза мокрые злющие. А Анфиса все плакала, как Маруся и представляла, плакала и обнимала по десятому кругу. И извинялась, извинялась. Вот балда.

«Наверное, – думала потом уже Маруся, – я все-таки не буду умирать. Такая у меня семья хорошая. Даже мама не ругалась за побег. И ногти ей сразу же зачем-то подстригли, в тот же вечер.

Теть Лизу только почему-то уволили. И забор поменяли на шиферный... жаль. Прутики были веселее.

